

как «лисанька», свойственные не таджикскому языку, а русскому. Вообще же весь язык сказок очень далек от привычного языка сказочного жанра.

В небольшом предисловии к сборнику от издательства указывается, что «...настоящее издание, хотя и не ставит перед собой чисто научных задач, в известной степени должно восполнить пробел в области публикации таджикской народной сказки». Несколькими строками выше говорится, что «некоторые сказки при переводе подверглись частичной обработке с учетом различных вариантов этих сказок». Следовательно, научная ценность этих сказок действительно невысокая, так как читателю трудно разобраться, какие же из приведенных сказок являются оригинальными и какие подверглись «частичной обработке с учетом различных вариантов». Несомненно, значение этих сказок для самого широкого круга советских читателей, любящих сказку, было бы гораздо выше, если бы редакторы более бережно отнеслись к издаваемым на русском языке сказкам. Сборник охватывает 37 сказок, которые разбиты на три раздела: Сказки о животных, Забавные сказки и Волшебные сказки. Нужно отметить, что значительная часть этих сказок вошла в упоминавшийся выше сборник, изданный Б. Нязмухамедовым. Книга хорошо оформлена художником П. Зобниным и в этом отношении отличается от сборника «Таджикский народный юмор», безвкусно иллюстрированной художником Орловым.

Третий рецензируемый нами сборник «Таджикские народные сказки», предназначенный для младшего и среднего возраста, во многом выгодно отличается от двух вышеперассмотренных переводов образов таджикского народного творчества, изданных в Сталинабаде. Прежде всего обращает на себя внимание хорошее художественное оформление книги (худ. Л. Фейнберг). Чудесная таджикская природа, утопающие в зелени кишлаки, самобытный национальный костюм, характерный жест, поза переданы очень верно, реалистично и как бы дополняют содержание книги.

В книгу вошли те же сказки, которые были включены в издание «Таджикские сказки» (1949), но насколько отличен их перевод! Переводчица К. Улуг-Заде и редактор Вера Смирнова значительно переработали свое первое издание, отчего оно намного выиграло. За исключением небольших погрешностей («слетай же вниз» — говорит в одной сказке шакал курице — стр. 18), русский перевод отличается хорошим, легким языком, большой динамичностью и дает действительное представление о чудесных таджикских сказках.

Обращает на себя внимание поэтическая сказка «Баходур и Зарина», не вошедшая ни в один из более ранних сборников сказок. Как справедливо считает автор предисловия К. Улуг-Заде, «в этой сказке несомненно выражена многовековая мечта таджиков о воде». Два народа прорывают канал через высокую гору и вода дает жизнь безводной пустыне. Это сказка о мужестве и любви, о победе человека над злыми силами природы.

Таджикские сказки отличаются остроумным сюжетом, занимательны, поэтичны. «Много мудрых мыслей народа читатель найдет в таджикских сказках, — пишет в заключении предисловия составитель книги. — Уважение к родителям, забота о добром, честном имени, уважение к труду, презрение к бездельникам и тунеядцам, стремление вступить за обиженного и обездоленного, бесстрашие перед грозными силами природы, любознательность, любовь к животным, которые служат человеку — вот чему учат эти сказки».

Составитель и редактор сборника, как мне представляется, в данном случае правильно решили и вопрос о национальном, местном колорите сказок. Правильно переданы имена собственные, введены некоторые таджикские слова, которые либо поясняются в тексте, либо в сносках, но это несколько не затрудняет читателя: кишлак — селение, табиб — лекарь, хурджин — переметная сума, дехкане — крестьяне, кокуль — кошечка, хауз — пруд, див — чудовище и многие другие.

Второе издание сказок (1950 г.) может служить примером того, что на русский язык, обладающий исключительным богатством выразительных средств, можно передать любое произведение национальной литературы, сохранив всю его прелесть.

В заключение хочется пожелать Таджикскому государственному издательству поскорее издать таджикские народные сказки прежде всего на таджикском языке, ибо, как указывается в предисловии к сборнику «Таджикские сказки», Государственное издательство совместно с Союзом советских писателей Таджикистана в течение ряда лет проводили записи народных сказок в различных районах республики. Также должны быть изданы богатые фонды народных сказок, имеющиеся в Таджикском филиале Академии Наук. Вместе с тем необходимо продолжать публикацию таджикских сказок и на русском языке, однако с учетом того, что говорилось выше.

А. З. Розенфельд

НАРОДЫ АМЕРИКИ

Дж. Вайян, *История ацтеков*. Перевод с англ. М. И. Баранович, под ред. и с предисловием акад. В. В. Струве. Примечания и дополнения Р. В. Кинжалова. Изд-во иностранной литературы, М., 1949.

В советской исторической литературе почти отсутствуют работы, посвященные древним народам Центральной Америки. Поэтому перевод книги американского археолога Дж. Вайяна (G. C. Vaillant) является весьма своевременным. «История ацте-

ков» («Aztecs of Mexico») — популярное изложение результатов археологического изучения Мексики до 1940 г. Написанная простым и красочным языком, насыщенная фактическим и иллюстративным материалом, книга Вайяна может служить ценным пособием при ознакомлении с древней Мексикой.

В главах 1 и 2 дается обзор неолита Центральной Америки. Для культуры, соответствующей средней ступени варварства (экстенсивное — подсечно-огневое в лесной зоне — земледелие, орудия из камня, кости и дерева, гончарство, ткачество, женские статуэтки), Вайян предложил термин «средняя культура» (Middle Culture), несколько расплывчатый, но все же более удачный, чем употреблявшийся до этого термин «арханческая культура».

«Средняя культура» в долине Мехико подразделяется на две стадии; нижнюю (копилько-сакатекскую) и верхнюю (куикуилко-тикоманскую), отличающуюся от предыдущей появлением жилищ на искусственных террасах, керамикой с так называемой «негативной» росписью и другими особенностями. При характеристике культур основное внимание уделяется стилю статуэток и росписи на керамике, тогда как данные о планировке жилищ и селений отсутствуют, а об орудиях труда упоминаются вскользь.

Главы 3—4 посвящены культуре толтеков (первого народа, известного по местным преданиям) и чичимекского периода. У толтеков имелись уже большие города, монументальная архитектура и скульптура, иероглифическая письменность и календарь. Автор удачно сочетал археологические данные с противоречивыми местными преданиями и дал довольно ясную картину положения в стране перед возвышением Теночтитлана. В это время происходили движения племен и борьба за власть между отдельными городами.

Дополнением к этим главам является приложенная в конце книги статья молодого советского американиста Р. В. Кинжалова «Археологическое изучение Мексики за последние годы», хотя, к сожалению, запутанность и перегруженность специальной терминологией делают ее почти недоступной неподготовленному читателю. Данные о находке тепешпанского человека и о раскопках в Туле существенно дополняют соответствующие разделы Вайяна о заселении Америки и толтекском периоде. Правильно отмечая, что очень краткая характеристика культур майя, олмеков и сапотек в главе 1. Вайяна почти ничего не дает читателю, Р. В. Кинжалов подробно останавливается на раскопках в Вера Крус и проблеме олмеков. Сущность этой проблемы сводится к следующему: в американистике считалось установленным, что древнейшую цивилизацию в Центральной Америке создали майя в первые века нашей эры (монументальная архитектура и скульптура, большие города, иероглифическая письменность, сложный календарь и т. д.). В последние годы появились сторонники «приоритета» олмеков в деле создания цивилизации, причем в качестве основного аргумента фигурируют два памятника из штата Вера Крус — стела С в Трес Сапотес и статуэтка из Туштлы — с датами, написанными знаками майя и соответствующими 21 г. до н. э. и 162 г. н. э. (по хронологии Томпсона), тогда как древнейшие достоверные памятники майя датированы 320 и 328 гг. н. э. Мнение о «приоритете» олмеков не разделяется крупными специалистами, считающими эти даты сомнительными (см. S. G. Morley, *The ancient Maya*, 1946, стр. 41—42), но зато усиленно поддерживается националистически настроенными мексиканскими учеными (точно так же, как вообще американскими учеными отстает «приоритет» древнеамериканской цивилизации во всем мире). Вайян фактически уклоняется от решения этого вопроса, заявляя, что спор о «приоритете» олмеков и майя напоминает «старый спор о том, что появилось раньше — яйцо или курица» (стр. 32). К сожалению, и Р. В. Кинжалов в своей статье не вносит должной четкости в этот вопрос.

В главе 5 излагается политическая история теночков, а в 6 и 7 — их социальные строй и экономика. У жителей Теночтитлана имелось ирригационное земледелие (что объясняется условиями жизни на озере — теночки осушали болота и устраивали так называемые «пловучие сады», чтобы восполнить недостаток земли) в отличие от господствовавшего в Центральной Америке подсечно-огневого. Основными культурными растениями были кукуруза, бобы, тыква, а земледельческим орудием — палка-копалка. Следует отметить, что у народов Центральной Америки техника земледелия почти не изменилась за два тысячелетия цивилизации и палка-копалка остается основным орудием до наших дней. Такая примитивность техники объясняется не столько какой-то особой консервативностью народов Мексики, сколько очень небольшой глубиной почвы и многочисленными выходами на поверхность каменной породы. Плуг здесь был бы совершенно бесполезен, даже вреден: там, где он теперь введен фермерами-капиталистами, он содействует быстрому разрушению почвы.

Кроме того, следует учитывать высокую рентабельность кукурузы (средняя урожайность ее даже при подсечно-огневом земледелии выше, чем средняя урожайность пшеницы и ржи в современных капиталистических странах), что давало возможность получать значительный прибавочный продукт при низком уровне техники. Эта особенность не могла не ускорить процесс классового расслоения племен, переходивших к земледелию.

Описание социального строя ацтеков у Вайяна сделано весьма непоследовательно и с значительными пробелами (в частности, он не касается семьи), а, кроме того, терпит обычными в буржуазных работах модернизациями.

Акад. В. В. Струве во вступительной статье дает подробную характеристику социального строя ацтеков. Правильно указывая, что Л. Морган ошибался, относя ацтеков «к средней ступени варварства», он приходит к выводу, что «ацтекское общество XV в. стояло на грани перехода от средней ступени варварства к высшей» (стр. 17). Но это — слишком уж робкая критика Моргана. Если даже оставаться в рамках моргановской периодизации, то все же социальный строй ацтеков (хотя вопрос о нем еще не решен окончательно) есть все основания отнести на более высокую ступень развития. Отделение ремесла от земледелия, торговля, имущественное неравенство, рабство как постоянное явление, фортификация, регулярные грабительские войны — все это характерные признаки военной демократии, и Ф. Энгельс вполне основательно упоминает ацтекского военачальника наряду с греческим базилевсом («Происхождение семьи, частной собственности и государства», Госполитиздат, 1948, стр. 122). Строй ацтеков был уже государством, поскольку является продуктом непримиримости классовых противоречий, и вместе с тем еще не был государством, поскольку сохранял традиционную родо-племенную форму и организацию. Серьезным недостатком в анализе социального строя ацтеков у акад. В. В. Струве является недооценка исторической обстановки. Ацтеки рассматриваются изолированно. «Морган безусловно прав, — говорится во вводной статье, — когда заявляет, что «до 1426 г., когда возникла ацтекская конфедерация, в жизни племен долины произошло очень мало, что бы имело историческое значение» (стр. 8). С этим согласиться никак нельзя. Ацтеки (собственно — племя теночков) были варварами, покорившими сравнительно культурный народ. Они усвоили культуру и формы примитивной государственности покоренного народа, сохранив некоторые черты собственного варварского общественного строя. В этом одна из основных причин своеобразия ацтекского общества.

Главы 8 и 9 дают характеристику прикладного искусства (изделия из перьев, мозаика из раковин и камня, ювелирные изделия), архитектуры, скульптуры и — очень кратко — музыки и танцев. Главы 10—11 посвящены религии и культу, а четыре последние — военным обычаям, описанию Теночтитлана (по Бернальо Диасу), походу Кортеса 1519—1520 гг. и кратко очерку позднейших судеб индейцев Мексики.

Основным недостатком работы Вайяна является теоретическая беспомощность автора, когда ему приходится объяснять изменения в общественном строе или в культуре. Исходя из теории миграций, Вайян чуть ли не все изменения в хозяйстве, стиле керамики и статуэток, религии и т. п. пытается объяснить вторжением новых племен, несших новую культуру (неизвестно, где и когда созданную). С этим связана и другая крупнейшая ошибка: рассматривая каждую культуру обособленно, вне связи с другими, Вайян считает, что взаимного влияния племен не было до эпохи распространения культуры Миштека — Пуэбло. Между тем им самим приводится масса данных, свидетельствующих о широком обмене элементами культуры (находки тихоокеанских раковин в долине Мехико уже во время копилко-сакатекской культуры, широкое распространение «негативной» росписи сосудов, которую сам Вайян ведет из Южной Америки, и т. д.). Совершенно неправильно считать иероглифику и календарь майя, сапотек, толтеков и ацтеков независимыми друг от друга. Описывая ацтекский календарь, Вайян ни одним словом не упоминает о его тождестве с календарем майя (13-дневная неделя, 20-дневный месяц, 260-дневный цикл, 52-летний период и пр.). Ацтеки, несомненно, восприняли календарную систему майя (не непосредственно, а через толтеков) в несколько упрощенном виде, без больших периодов и без майяской эры.

Недооценка роли более культурных соседей затрудняет понимание и социального строя ацтеков. Ацтеки составляли периферию цивилизации майя и толтеков, что не могло не ускорить их экономического и политического развития, не создав все же достаточных предпосылок для перехода к классовому обществу. Если учесть это обстоятельство, равно как указанные выше особенности земледелия, дававшего большой прибавочный продукт при низком уровне техники, станут гораздо яснее резко противоречивые и своеобразные черты ацтекского общества.

Большинство отдельных ошибочных заключений Вайяна оговорено в редакционных примечаниях. Можно добавить несколько уточнений.

Утверждение, что женские статуэтки эпохи «средней культуры» не ценились (стр. 41), так как их находят сломанными и выброшенными, вряд ли основательно. По аналогии с другими народами известно, что такого рода ритуальные статуэтки часто намеренно разбивались и выбрасывались во время сезонных праздников (у самих ацтеков был обычай уничтожать всю домашнюю утварь в конце цикла).

«Школы» для юношей (стр. 88), видимо, восходят к мужским домам первобытного общества.

«Ордена» Орла и Оцелота (стр. 90), как правильно указано в примечании, восходят к тайным мужским союзам. Можно еще добавить, что, повидимому, они соответствуют двум фратриям, а состязания между ними отражают не борьбу света и тьмы, дня и ночи и т. п. (стр. 135), а ритуальную борьбу фратрий.

Из отдельных неточностей перевода нельзя не отметить значительного количества ошибок и недосмотров в приложенных к книге таблицах. Так, «Our Lord, the Flayed One» (стр. 183) переведено «наш владыка в ободранной коже» (стр. 207), хотя на

стр. 135 то же выражение «The Flayed One» передано правильно: «ободранный» (т. е. с ободранной кожей). «Cloud Serpent» (стр. 183) — облачный змей — переведено «змея туч» (стр. 208). «Coyote» в одном месте переводится «шакал» (стр. 208), в другом «койот» (стр. 87). «Death's Head» (стр. 191), название 6-го дня месяца (черепа, мертвая голова) переведено «голова смерти» (стр. 210 и далее).

В табл. XIII (стр. 212) нужно поменять местами день тростника (13) и день травы (12).

«Jaguar God» (стр. 194) — бог-ягуар, а не «бог ягуаров» (стр. 214, табл. XVI). Кстати сказать, неизвестно, почему в переводе нигде не оговорено, что «ошелот» — это и есть ягуар.

«Snake of Knives» (табл. 63) — змея с ножами — переведено «змея ножей» (иероглиф изображает змею с ножами на спине).

Названия годов ацтекского цикла приведены таким образом, что трудно понять, идет ли речь о годах или о днях (стр. 188, рис. 28; табл. 63). Следовало бы писать не просто «десятый день жожа», а «год десятого дня ножа» и т. д.

Ю. В. Кнорозов

Frances Toor. *A Treasury of Mexican Folkways. The Customs, Myths, Folklore, Traditions, Beliefs, Fiestas, Dances and Songs of Mexican People*, New York, 1947, XXXIV + 566 стр.; 10 цветн. табл., 100 рис. и 170 фотографий.

Рецензируемая книга является результатом многих лет упорного исследовательского труда. Автор ее — профессор фольклора в Национальном университете г. Мехико, Фрэнсис Тур — более двадцати пяти лет изучала быт и фольклор современного населения Мексики. Собранные ею материалы, частично уже опубликованные в книге «Мексиканское народное искусство»¹ и в целом ряде статей, легли в основу этой книги.

Книга Тур делится на пять неравноценных частей. Первая часть — введение — является краткой сводкой данных о наиболее значительных племенах и народностях Мексики до испанского завоевания: племен «Средней культуры», майя, толтеков, тотонаков, сапотеков, ольмеков и ацтеков. Автор совершенно правильно указывает, что для лучшего понимания современной жизни народа необходимо знать его прошлое. Изложению его и посвящено вступление, не отличающееся, однако, высокими качествами.

Вторая часть — «Труд и культ», открывающая исследовательскую часть книги, посвящена экономической жизни населения. В ней дается подробное описание жилищ, мебелировки, домашней утвари, пищи, напитков, наркотиков (табак в разных видах). Особо выделены домашние животные и пчеловодство. В следующем большом подразделе второй части рассматривается земледелие у майя, тешталь, мише, пополука и уичоль, а также религиозные церемонии, связанные с посевом и сбором урожая. Интересны приводимые автором данные об условиях труда батраков в больших поместьях: и в настоящее время там применяются самые примитивные орудия, так как «человеческий труд обходится значительно дешевле усовершенствованных машин»; владельцы поместий применяют потогонный «ускоренный метод» (сам автор называет его фордовским термином «спид ап»), при котором батрак не имеет ни минуты отдыха, иначе останавливается вся цепь работающих. Особо следует выделить здесь полемику автора с буржуазными исследователями, приписывающими мексиканцам леность как национальную черту (!). Тур резко протестует против этого (стр. 86).

Следующий подраздел — «Ремесла» содержит описание различных ткацких изделий, мужской и женской одежды и украшений (предметы из золота, серебра и бусы), производства мебели, музыкальных инструментов, различных плетеных изделий (гаммаков, корзин, сомбреро и т. д.), керамики (с подробным обзором по отдельным местностям), изделий из стекла, железа, меди, олова, кожи, лака; масок и игрушек.

Небольшой подраздел, описывающий рынки и их роль в хозяйственной жизни населения, заключает первую часть.

Во второй части — «Общество, обычаи, праздники» — все внимание автора обращено на подробное описание обрядов и праздников среди современного населения Мексики.

После описания обрядов, связанных с рождением, браком, смертью и погребением, автор переходит к обзору религиозных праздников и, в связи с этим, рассматривает проблему религии в Мексике. В книге правильно отмечена реакционная и эксплуататорская роль как официальной католической религии, так и различных местных культов, и приводится обильный материал, большей частью еще не публиковавшийся. Так, например, автор подробно останавливается на одном виде религиозного «бизнеса», получившем особенное распространение в последние годы в Чиapasе, — на так называемых «говорящих ящиках». Они представляют собой небольшой деревянный ящик в виде кукольного домика, внутри которого наклеена хромолитография какого-нибудь святого, что якобы дает ответ на все вопросы. Владельцы их переезжают из одного селения в другое и, поместив ящик в комнате, отгороженной занавесью от других, приглашают желающих получить пророчество. Несмотря на явный обман,

¹ F. Toor, *Mexican Popular Arts*, México, 1939